

Белькова А. А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ: РУССКИЙ ЗНАЧИТ ПРАВОСЛАВНЫЙ

Аннотация. В представленной работе анализируется государственная политика в постсоветской Бурятии в сфере религии. Фокусируясь на взаимодействии Русской православной церкви и государства, автор анализирует то, как понятия русский и православный сливаются воедино на уровне государственной политики. В фокусе внимания находятся процессы, которые позволяют Русской православной церкви напрямую влиять на принимаемые политические решения от лица крупной этнической группы. Автор исследует то, как православие в ходе активного трансформирования конфессионального поля республики после распада СССР получило статус традиционной религии. Методологической основой исследования выступает новый институциональный подход. Он позволяет изучить нормативную систему отождествления русского и православного населения Бурятии в рамках государственной политики. В ходе исследования автор пришел к выводу о том, что изучаемый феномен в итоге отразился в системе норм, переходившей то в формальную, но в неформальную форму. В любом случае на протяжении всего постсоветского периода эта нормативная система определяла государственную политику в религиозной сфере. Постепенно включенность Русской православной церкви в политический процесс послужила причиной наделения органами государственной власти этой религиозной организации статусом независимой общественной организации, представляющей интересы русского населения региона.

Ключевые слова: государственная политика, православие, русский, институт, новый институционализм, репрезентация, Русская православная церковь, постсоветский, Бурятия, традиционная религия.

Review. This work analyzes the public policy in the post-Soviet Buryatia in the sphere of religion. Focusing on the cooperation of the Russian Orthodox Church and the government, the author examines how the notions of "Russian" and "Orthodox" fuse into one on the level of public policy. The focus is made on the processes that allow the Russian Orthodox Church to directly affect the political decisions on behalf of a large ethnic group. The author researches how the Orthodoxy – in the process of active transformation of the confessional field of the republic after the collapse of the USSR – received the status of traditional religion. The new institutional approach allowed studying the normative system of unification of Russian and Orthodox population of Buryatia within the framework of public policy. The author concludes that in the end, this phenomenon reflected in a system of norms that shifted between formal and informal scheme. In any of the cases throughout the entire post-Soviet period this normative system defined the public policy in the sphere of religion. The gradual inclusion of the Russian Orthodox Church into the political process served as a cause for granting this religious organization the status of an independent social organization, which represents the interests of the Russian population of this region.

Keywords: Russian Orthodox Church, representation, new institutionalism, institution, Russian, Orthodoxy, public policy, post-Soviet, Buryatia, traditional religion.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ.
«Русский мир в современной Внутренней Азии: политика и идентичность»,
проект № 15-33-01000**

Современная политика российского государства тесно связывает понятия этничности и конфессиональной принадлежности. Эта практика формировалась на протяжении всего постсоветского периода и наиболее ярко получила свое выражение

в концепции «традиционных» религий, в том смысле, что они традиционны для этнических групп, проживающих на территории России. Соответственно, в современной России на уровне государственной политики выводится четкая взаимосвязь между православием и русской этничностью. В рамках государственных программ Россия предстает гетерогенным пространством, разнообразие которого определяется множественностью народов, каждый из которых имеет традиционную для себя религию [1]. Эта религия признается неотъемлемым элементом культуры конкретной этнической группы.

Такой подход имеет большое значение в современной России, поскольку напрямую влияет на принимаемые политические решения. Когда за православием закрепляется уникальное право быть традиционной религией русских, Русская православная церковь во взаимоотношениях с государством становится транслятором мнений и стремлений не просто своей паствы, а всех русских вообще. Таким образом, между категориями русский и православный ставится знак равенства. Русская православная церковь, в свою очередь, активно эксплуатирует образ религиозной организации традиционного характера, апеллируя к общности истории русского государства и православия. Неразрывность этих понятий позволяет обосновать представительские функции религиозной организации от имени этнической группы в политическом процессе.

Для того, чтобы понять, как именно формируется такая ситуация, мы рассмотрели взаимоотношения государственных органов власти и Русской православной церкви, а также трансформацию идею традиционности православия в рамках одного региона – республики Бурятия. Выбор таких территориальных рамок обусловлен уникальностью религиозной ситуации в данном регионе (здесь одновременно сосуществуют такие «традиционные» конфессии, как православие, буддизм, шаманизм, древлеправославие), а также особенностями государственной политики в этой сфере. В Бурятии вот уже много лет существует продвигаемая на государственном уровне идея множественности традиционных религий, мирно сосуществующих между собой. И в данной работе с помощью нео-

институционального подхода (мы опираемся на работы Н. Флигстина [2], К. Телен [3], П. Холла, Р. Тейлор [4], С. Штейнмо [5], В. В. Радаева [6], Г. Хелмке, С. Левитски [7] – институциональный подход в изучении политики) будет предпринята попытка анализа формирования системы норм, отождествляющих понятия русский и православный в рамках государственной политики.

Традиционность православия

С начала 1990-х гг. Русская православная церковь постепенно усиливала свои позиции, как организация, представляющая русское население Бурятии во взаимоотношениях с органами государственной власти. Главную роль в этом сыграл процесс формирования института традиционных религий. Аналогичные процессы происходили и на общегосударственном уровне, но в Бурятии традиционным объявлялось не только православие, но и другие конфессии.

В 1994 г. при Президенте и Правительстве республики Бурятия появилась специальная межведомственная комиссия по вопросам религиозных объединений. С одной стороны, ее наделили правом экспертизы государственных решений в области религиозной политики, с другой стороны, в ее состав вошли представители религиозных организаций. От лица православных – благочинный Бурятского округа Читинской и Забайкальской Епархии Русской православной церкви, председатель общины Одигитриевского Собора. Таким образом, Русская православная церковь получила возможность напрямую влиять на государственную политику в религиозной сфере и презентовать православных жителей республике, войдя в формирующийся круг традиционных религий.

Двумя годами позже система номинирования конфессий по признаку традиционности была официально закреплена в концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия [8]. Статус традиционности для православия обосновывался значением этой религии для России вообще, а не конкретно для региона. Здесь же официально закреплялось монополизация Русской православной церковью традиционного православия. Апостольская православная церковь была перечислена среди нетрадиционных религиозных организаций. При этом в до-

кументе подчеркивался статус РПЦ и ее права доминировать, как организации, несущей традиционное православие – характерной чертой религиозной ситуации называлось «негативное отношение практически всех традиционных конфессий к новым нетрадиционным религиозным объединениям» [8].

Концепция государственно-церковных отношений в Республике Бурятия напрямую указывала на то, что православие является неотъемлемой характеристикой русской этнической группы в регионе. На данном этапе институционального развития в этой области, выделялось две основные для Бурятии этнические группы, и соответственно, две традиционные религии: православные русские и буряты буддисты.

Статус традиционной религии сразу же стал наделяться дополнительными характеристиками. Традиционная религия отождествлялась с мирной, неконфликтной религией. Это одновременно наделяло нетрадиционные конфессии негативными характеристиками. «Приверженцы каждой из них [православия и буддизма – прим. А. Б.] рассматривают свою религию как национально-культурное достояние, не пытаются сделать другие народы объектом своей религиозной миссии и не опасаются “религиозной экспансии” с их стороны» [8]. При этом Бурятия объявлялась «территорией межрелигиозного мира и согласия», что автоматически повышало статус Русской православной церкви и Буддийской традиционной сангхи как организаций, представляющих традиционные религии.

В 1997 г. вслед за федеральным был принят республиканский закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» [9]. В первой же статье «основные понятия» были зафиксированы наименования конфессий, которые могут считаться традиционными. В их числе называлось православие, кроме того, список увеличился до четырех наименований (включили древлеправославие и шаманизм). Таким образом, теперь за Русской православной церковью на законодательном уровне закрепился статус традиционной религиозной организации. Она официально получила ряд преимуществ, например, упрощенную процедуру государственной регистрации. Однако она также получила

право участвовать в качестве экспертов в процессе регистрации религиозных организаций, не получивших статус традиционных. Для этого создавался экспертно-консультативный совет по делам религий при Правительстве Республики Бурятия. В состав первого совета от Русской православной церкви входил настоятель Свято-Вознесенского Храма. Главной функцией экспертно-консультативного совета был анализ о деятельности конкретных религиозных организаций, характера исповедуемого ими вероучения, проводимых обрядов и т. п. Для этого он должен был изучать «социально-психологические последствия» [10] деятельности в Бурятии религиозных объединений, состояние межконфессиональных отношений и предоставлять полученные данные органам государственной власти. Таким образом их деятельность влияла не только на шанс получить религиозной организации регистрации, но и на законотворческую деятельность в этой области и на государственную политику в целом.

Статус организации, представляющей традиционную конфессию, также позволял Русской православной церкви беспрепятственно заниматься миссионерской деятельностью, в то время как организации, представляющие нетрадиционные религии, согласно закону, должны были получить специальное разрешение от министерства юстиций. А его получение было возможно только после выдачи экспертно-консультативным советом положительного заключения. И даже если разрешение в итоге выдавалось, оно действовало только год. Таким образом, Русская православная церковь получила практически неограниченные возможности, позволяющие ей напрямую влиять на государственную религиозную политику в регионе.

На формальном уровне эта нормативная система долго не продержалась. К началу 2000-х гг. на фоне общероссийской тенденции к упорядочиванию законодательства республиканская прокуратура оспорила эти правила в суде, после чего они были упразднены [11]. Однако это не означает, что сформированные ранее институты государственной религиозной политики, отождествляющие русских и православных и презентующие Русскую православную церковь как

легитимного представителя этой группы, ушли в прошлое. Если официально экспертно-консультативный совет по делам религий был преобразован в совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия, и его значение значительно снизилось по сравнению с предыдущим периодом, то на неформальном уровне классификация «традиционные – нетрадиционные» религии продолжала укрепляться.

В данной ситуации формируются аккомодационные [7] неформальные институты религиозной политики: они позволяют изменять последствия соблюдения формальных правил без их прямого нарушения. Официально все религиозные организации находились в равном положении, однако, органы государственной власти начинают выстраивать партнерские отношения с религиозными организациями традиционного характера.

В течение 2000-х гг. прослеживается определенная тенденция. Если в начале этого периода местные органы власти стремились официально не вмешиваться в отношения между религиозными организациями, не направлять и не регулировать эту сферу, то постепенно ситуация меняется в обратную сторону. Формальный нейтралитет в сфере религии заставил уйти государство из публичной сферы со своей концепцией традиционных и нетрадиционных религий. Официальные лица, представители Правительства Республики Бурятия, Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия, Народного Хурала, местных органов власти, судя по проведенному исследованию, не делали никаких заявлений в данном ключе.

Однако на то, что сформированные ранее институты государственной религиозной политики продолжали существовать, указывает концепция «межнационального и межконфессионального мира и согласия», которая из публичного пространства не уходила. В публикациях средств массовой информации, в выступлениях официальных лиц, периодически возникала идея имманентно свойственного Бурятии межконфессионального мира, которая отсылала к концепту традиционных религий. Хотя формально конфессии в этот период не различались по статусу.

В 2012 г. концепция традиционности православия и соответственно Русской Православной церкви снова получила официальный статус. Появилось постановление Народного Хурала Республики Бурятия, где перечислялись «основные» конфессии, исторически оказавшие влияние «на духовную сферу общества» [12], среди которых было упомянуто православие. В этом документе снова появилась идея межконфессионального мира и согласия, основными элементами которой снова назывались традиционные религии. Закрепление данной нормативной системы на формальном уровне ознаменовало усиление тенденций к классификации религиозных организаций во взаимоотношениях с государством по степени приближенности. К организациям традиционного характера, в том числе к Русской православной церкви, применялись одни меры, а к остальным религиозным объединениям – другие. Это привело к усилению государственного контроля к нетрадиционным организациям под эгидой борьбы с экстремизмом. При этом о системе мониторинга прописано, что органы государственной власти обязаны информировать представителей традиционных религиозных конфессий о фактах нарушений и проявлений религиозного экстремизма. При этом меры по устранению возникшей ситуации также должны разрабатываться ими совместно [13]. Эти нормы еще раз подчеркивают тесное сотрудничество между государством и традиционными религиозными организациями, которое набирало силу в 2000-е гг. и заявило о себе в системе формальных институтов регулирования религии в 2010-х гг.

Современные тенденции: Русская православная церковь – общественная организация

Помимо того, что в ходе формирования современных институтов религиозной политики Русская православная церковь стала презентовать себя как легитимный представитель русского населения Бурятии, она так же постепенно обрела статус независимой общественной организации. Это позволило в публичном пространстве номинировать взаимоотношения органов государственной власти и Русской православной церкви как показатель демократичности политического режима. Официально государство заявило о не-

обходимости постоянных взаимоотношений с религиозными организациями впервые еще в упомянутой выше концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия 1996 г. [8]. При этом формальное закрепление тенденции перехода религиозных организаций традиционного характера в статус общественных произошло только в 2012 г. [12] после нескольких лет доминирования неформальной нормативной системы.

На нарастание в 2000-х гг. тенденций тесных взаимоотношений органов государственной власти и традиционных религиозных организаций, в том числе Русской православной церкви, указывает тот, факт, что Комитет по делам национальностей и связям с общественными, религиозными объединениями Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия был переименован в 2007 г. в Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия. Это говорит о том, что с точки зрения государства религия – это неотъемлемое свойство конкретной этнической группы, православие – русских. Религиозные организации, представляющие так называемые традиционные религии, опять начали получать привилегии при выстраивании взаимоотношений с органами власти. Их особый статус будет официально закреплён позже как религий, традиционных для населения, «исторически проживающего в Бурятии и для группы лиц, относящих себя к определенной религиозной или этнической общности и находящихся вне исторической территории расселения (диаспоры)» [13].

Практика выстраивания тесных взаимоотношений между органами государственной власти и традиционными религиозными организациями начинает нарастать с середины 2000-х гг. Между ними заключаются соглашения, не ограниченные религиозной сферой. Религиозные организации традиционного характера постепенно начинают выступать как независимые представители населения Бурятии. Соответственно Русская православная церковь получила легитимное право выступать от имени русского населения республики.

Формируется и укрепляется практика стабильных взаимовыгодных контактов между ними, вокруг которой выстраиваются неформальные институты государственного регулирования религии. При этом взаимоотношения между органами государственной власти и религиозными организациями не ограничивались рамками религиозной политики. С середины 2000-х гг. большое значение начинает придаваться участию религиозных организаций в определении стратегии и в реализации социальной политики, политики государства в сфере межнациональных отношений и некоторых других вопросах.

Началось все с личных контактов между религиозными священнослужителями и руководителями органов государственной власти. Изначально это были даже не официальные контакты между государством и церковью, а личные встречи между их представителями – наследие неформальных институтов государственного регулирования религии из 1990-х гг. Иногда эти встречи носили полуофициальный характер и даже освещались средствами массовой информации, благодаря чему мы можем их подтвердить.

Русская православная церковь, как традиционная религиозная организация, под контролем органов власти начинают реализовывать программы по воспитанию молодежи, борьбе с наркоманией, преступностью, абортными, патристическому воспитанию и т. д., т. е. заниматься деятельностью, номинируемой как полезной для общества. Эта система реализуется через серию соглашений о сотрудничестве.

В 2010 г. такое соглашение заключается с Главным управлением Министерства по чрезвычайным ситуациям России по Республике Бурятия. Оно подразумевало, что в случае возникновения чрезвычайной ситуации епархия организует сбор гуманитарной помощи, окажет духовную и психологическую поддержку пострадавшим и их семьям, а МЧС, в свою очередь, обязался информировать руководство епархии о чрезвычайных ситуациях, осуществлять подготовку священнослужителей, сестер милосердия и добровольцев к действиям в чрезвычайных ситуациях и проводить совместные учения [14].

В этом же году подобное соглашение подписывается с Министерством здравоохранения Республики Бурятия. Епархия обязалась участвовать в развитии услуг в сфере медико-социальной помощи, заниматься профилактической деятельностью и медицинским просвещением населения, содействовать оказанию медицинской помощи инвалидам и иным социально уязвимым группам населения, обеспечивать уход за больными на дому и в стационарных учреждениях здравоохранения. Министерство, в свою очередь, обязалось готовить сестер милосердия для оказания медико-социальной помощи и создавать условия для выполнения православных обрядов в стационарных учреждениях здравоохранения.

Еще один подобный договор был заключен с Министерством социальной защиты населения Республики Бурятия, что официально закрепило значимость социально-ориентированной работы Русской православной церкви. С начала 2010-х гг. Русская православная церковь в Бурятии вела настолько активную социально ориентированную работу, что министерство социальной защиты приглашало ее представителей на свои рабочие совещания. Это участие было обусловлено масштабной работой епархии по организации бесплатных столовых для бездомных и малоимущих. Министерство, в свою очередь, рекомендовало оказывать нуждающимся помощь в обмен на их участие в общественных работах. Таким образом деятельность Русской православной церкви стала в некоторой степени контролироваться и направляться курирующим ее государственным органом власти.

Аналогичные договоры в итоге были заключены с республиканским агентством лесного хозяйства Республики Бурятия (епархия согласилась пропагандировать безопасность жизнедеятельности населения при лесных пожарах, бережное отношение к лесам, обучать мирян правильным действиям при пожарах в лесах, оказывать в соответствующих ситуациях морально-психологическую помощь), со службой судебных приставов (Русская православная церковь должна пропагандировать погашение долгов перед государством). В итоге Улан-Удэнская и Бурятская епархия Русской православной

церкви помимо классических внутренних отделов, таких как паломнический или миссионерский, создала отделы по работе с молодежью, по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами, отдел по противодействию наркомании и алкоголизму, отдел социального служения и благотворительности.

Большое значение имеет публичность действий религиозных организаций и их отношений с органами государственной власти. Каждый контакт тщательно фиксируется и транслируется в средства массовой информации. А в текстах информационных сообщений обычно подчеркивается значимость социальной работы конкретного религиозного объединения.

Дела милосердия являются неотъемлемой частью служения Церкви. Направления деятельности Министерства социальной защиты населения и Русской Православной Церкви совпадают. Поэтому вновь подписанное соглашение должно способствовать усилению совместной деятельности во благо населения республики, особенно её социально незащищенных слоев [15].

В отличие от 1990-х гг. и 2000-х гг. государство предпочитает в публичном дискурсе дистанцироваться от собственно религиозной деятельности религиозных организаций и рассматривать их как общественные объединения.

Религиозные организации Бурятии мы рассматриваем не как религиозные объединения в правовом поле, а как партнеров, социально ориентированные некоммерческие организации. Органы государственной власти, местного самоуправления совместно с религиозными объединениями реализуют проекты, направленные на решение социально-значимых вопросов (председатель Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия). [16].

Представление религиозных организаций в таком ключе позволяет оказывать адресную государственную поддержку и избегать обвинений в религиозной нетолерантности. Официально, на любое обвинение в предоставлении преимуществ традиционным религиозным орга-

низациям и ограничении нетрадиционных, органы государственной власти могут выдвинуть аргумент о том, что они поддерживают только благотворительную деятельность религиозных объединений, направленную на решение социально острых проблем.

В обмен на эту деятельность государство предоставляет Русской православной церкви некоторые преимущества. В первую очередь это выразилось в возможности использовать РПЦ государственное имущество в своих целях. В 2012 г. органы государственной власти официально заявили о необходимости материальной поддержки Русской православной церкви.

В настоящее время религиозные организации активно взаимодействуют с органами местного самоуправления, проводят совместные мероприятия благотворительной и просветительской направленности, оказывают помощь домам-интернатам для престарелых и инвалидов, детским домам и интернатам для детей, проводят молебны и крещения людей в исправительно-трудовых колониях. Кроме того, религиозные организации активно проводят физкультурно-оздоровительные, спортивные и культурно-массовые мероприятия. Учитывая, что деятельность религиозных организаций носит социально значимый характер, предлагаем органам государственной власти в Республике Бурятия разработать механизм финансовой поддержки деятельности этих организаций) [12].

Уже в июне 2012 г. были приняты соответствующие поправки [17] в закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». Было исключено определение миссионерской деятельности, а статья, посвященная миссионерской деятельности, заменена на статью «Государство и религиозные объединения». Новые нормы определяли, что в компетенции государства предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, что оно может оказывать им финансовую, материальную и иную помощь в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры. Кроме того, государство отныне могло оказывать поддержку благотворительной деятельности религиозных организаций, поддержку «реализации ими об-

щественно значимых культурно-просветительских программ и мероприятий».

Теперь стало возможным направлять бюджетные средства на содержание собственности религиозных организаций. В Бурятии 34 объекта имеют официальный статус памятников религиозного значения, из них 3 находятся в религиозной частной собственности (в том числе Спасская церковь в с. Турунтаево), остальные переданы религиозным организациям на основании договора безвозмездного пользования [12].

В марте 2013 г. Правительство Республики Бурятия определило порядок предоставления субсидий из республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения [18]. Уже в названии документа содержится упоминание о предоставлении государственных субсидий только определенной категории религиозных организаций – с социально ориентированным уклоном, деятельность которых направлена на содействие духовно-нравственному развитию личности. Под такое определение попадали лишь некоторые религиозные организации, в том числе Русская православная церковь. Государство получило возможность спонсировать не только реставрацию и сохранение религиозных сооружений, являющихся памятниками истории и культуры, но и строительство, ремонт, реставрацию любых зданий и сооружений при условии, что они религиозного назначения. Значение имеет лишь масштаб социально ориентированной деятельности религиозной организации, запрашивающей финансирование. Чем она масштабнее, тем больше шансов появляется у религиозного объединения в ходе конкурсного отбора заявок. Решение, то есть оценку соответствия религиозной организации заявленным требованиям, принимает непосредственно орган государственной власти – Администрацией Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия.

Поддержка религиозных организаций, ведущих социально-ориентированную деятельность, как главный элемент государственной религиозной политики, нашла отражение и в

подпрограмме «Реализация государственной национальной политики Республики Бурятия и развитие гражданского общества» государственной программы Республики Бурятия «Совершенствование государственного управления (2013–2020 годы)» [19]. В ней прописаны конкретные мероприятия по поддержке религиозных организаций, а индикаторами успешности названы количество социально-ориентированных некоммерческих (в том числе религиозных) организаций, получивших государственную поддержку, и количество построенных, отремонтированных, отреставрированных зданий и сооружений религиозного назначения. В подпрограмме дано подробно определение того, какая деятельность является социально ориентированной.

Между Русской православной церковью и органами государственной власти складывается тесная система взаимодействия, основанная на правилах, которые закреплены в официальных нормативно-правовых актах. Улан-Удэнская и Бурятская епархия занимается решением социальных проблем, а государство взамен субсидирует ее деятельность и помогает содержать движимое и недвижимое имущество. Это позволяет Русской православной церкви наращивать собственность, активно строить новые религиозные сооружения, в том числе на территории медицинских учреждений, в домах инвалидов и престарелых, в местах лишения свободы, и все это с санкции государства.

***

В течение всего постсоветского периода в Бурятии происходило формирование новой институциональной системы, характеризующей взаимоотношения между органами государственной власти и религиозными организациями. Русская православная церковь получила в этот период статус религиозной организации традиционного характера, что позволило ей транслировать свои интересы на государственном уровне от имени всего русского населения республики Бурятия.

В терминологии исторического институционализма этот процесс зависим от предыдущей траектории развития. Сформировавшиеся после ломки старых советских институтов государ-

ственной религиозной политики в 1990-х гг. тенденции классификации религиозных организаций по признаку традиционности исповедуемой ими конфессии для этнической группы, проживающей на территории Бурятии, в последующий период поддерживают сами себя. Даже после того, как к началу 2000-х гг. эти нормы вычищаются из формальной нормативной системы, они продолжают существовать на неформальном уровне, с середины 2000-х гг. набирают вес и в итоге снова проникают в официальные документы.

Норма, отождествляющая русских и православных жителей региона, позволила Русской православной церкви отстаивать свои интересы на высшем уровне, а органам государственной власти упорядочивать религиозное пространство республики и управлять им. Русская православная церковь в этой нормативной системе получила статус традиционной, что придало ей легитимности, возвысило над другими религиозными организациями (нетрадиционного характера), а ргіогі наделило такими характеристиками, как миролюбивость и неконфликтность. Она стала одним из главных агентов национальной политики, причем на уровне партнера государства.

В итоге в публичном пространстве наметилась тенденция к дистанцированию от религиозной составляющей деятельности Русской православной церкви. Теперь она выступает как независимая общественная организация, представляющая русское население Бурятии. Такая ситуация позволяет органам государственной власти номинировать свои взаимоотношения с ней, как взаимодействие с гражданским обществом. Каждая сторона этих взаимоотношений получает свои предпочтения: Русская православная церковь – приближенность к органам государственной власти, возможность влиять на принимаемые политические решения, экономические предпочтения, право осуждать нетрадиционные религии и бороться с организациями, их представляющими. Государство, в свою очередь, получило лояльную организацию, выступающую от имени крупнейшей группы населения региона, готовую исполнять принятые политические решения и предоставлять свою поддержку, когда это необходимо.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39.
2. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2, № 4. С. 28–55.
3. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. № 2. P. 369–404.
4. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms [Электронный ресурс] 1996. URL: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2782/pdf/dp96_6.pdf.
5. Steinmo S. Historical institutionalism and experimental methods [Электронный ресурс] URL: http://www.svensteinmo.com/articles/Steinmo_2014_Historical_Institutionalism_and_Experiments.pdf.
6. Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3 С. 109–130.
7. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 2. С. 195–199.
8. О Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия: указ Президента Республики Бурятия от 21 мая 1996 г. № 183 // URL: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=999660>.
9. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия: закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I // Бурятия. 1998. 16 января.
10. Об экспертно-консультативном Совете по вопросам религиозной деятельности при Президенте Республики Бурятия: указ Президента Республики Бурятия от 19 августа 1997 г. № 201 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/473804027>.
11. По делу о проверке соответствия Конституции Республики Бурятия абзацев 4 и 5 статьи 1, части 2 статьи 3, частей 1, 2, 3, 4, 5, 6 статьи 4 закона Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»: постановление Конституционного суда Республики Бурятия от 10 октября 2000 г. // URL: ksud.ru/news2_file/file30_93.doc.
12. О ходе реализации закона Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»: постановление Совета Народного Хурала Республики Бурятия 24 апреля 2012 г. № 1507-IV // Бурятия. 2012. 3 мая.
13. Об утверждении Положения о системе мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Республики Бурятия: постановление Правительства Республики Бурятия от 21 июня 2013 г. № 323 // Бурятия. 2013. 27 июня.
14. Официальный сайт Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://uud-eparh.ru/index.php/news-162/39-newschat/630-2010-10-01-06-49-32>.
15. Из речи епископа Улан-Удэнского и Бурятского Савватия при подписании соглашения с министром социальной защиты населения Республики Бурятия Т. Быковой // Официальный сайт Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской Православной Церкви. URL: <http://uud-eparh.ru/index.php/monhr/2332-2012-10-24-06-29-58.html>.
16. В партнерстве с религиозными организациями // Буряад үнэн от 19 июня 2014 г. URL: http://burunen.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=4525.
17. О внесении изменений в Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»: закон Республики Бурятия от 9 июля 2012 г. № 2839-IV // Бурятия. 2012. 12 июля.
18. Об утверждении порядка предоставления субсидий из республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения социально ориентированным некоммерческим организациям, направленным на содействие духовно-нравственному развитию личности, осуществляющим свою деятельность на территории Республики Бурятия: постановление Правительства Республики Бурятия от 29 марта 2013 г. № 158 // Бурятия. 2013. 4 апреля.
19. Об утверждении Государственной программы Республики Бурятия «Совершенствование государственного управления (2013–2020 годы)»: постановление Правительства Республики Бурятия от 10 апреля 2013 г. № 180 // Бурятия. 2013. 16 апреля.

REFERENCES

1. O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh: feder. zakon ot 26 sentyabrya 1997 g. № 125-FZ // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 1997. – № 39.
2. Fligstin N. Polya, vlast' i sotsial'nye navyki: kriticheskii analiz novykh institutsional'nykh techenii // *Ekonomicheskaya sotsiologiya.* 2001. T. 2, № 4. S. 28–55.
3. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // *Annual Review of Political Science.* 1999. № 2. P. 369–404.
4. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms [Elektronnyi resurs] 1996. URL: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2782/pdf/dp96_6.pdf.
5. Steinmo S. Historical institutionalism and experimental methods [Elektronnyi resurs] URL: http://www.svensteinmo.com/articles/Steinmo_2014_Historical_Institutionalism_and_Experiments.pdf.
6. Radaev V. V. Novyi institutsional'nyi podkhod: postroenie issledovatel'skoi skhemy // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii.* 2001. T. IV. № 3 S. 109–130.
7. Khelmke G., Levitski S. Neformal'nye instituty i sravnitel'naya politika: osnovnye napravleniya issledovaniy // *Prognosis.* 2007. № 2. S. 195–199.
8. O Kontseptsii gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v Respublike Buryatiya: ukaz Prezidenta Respubliki Buryatiya ot 21 maya 1996 g. № 183 // URL: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=999660>.
9. O religioznoi deyatel'nosti na territorii Respubliki Buryatiya: zakon Respubliki Buryatiya ot 23 dekabrya 1997 g. № 610-I // *Buryatiya.* 1998. 16 yanvarya.
10. Ob ekspertno-konsul'tativnom Sovete po voprosam religioznoi deyatel'nosti pri Prezidente Respubliki Buryatiya: ukaz Prezidenta Respubliki Buryatiya ot 19 avgusta 1997 g. № 201 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/473804027>.
11. Po delu o proverke sootvetstviya Konstitutsii Respubliki Buryatiya abzatsev 4 i 5 stat' 1, chasti 2 stat' 3, chastei 1, 2, 3, 4, 5, 6 stat' 4 zakona Respubliki Buryatiya «O religioznoi deyatel'nosti na territorii Respubliki Buryatiya»: postanovlenie Konstitutsionnogo suda Respubliki Buryatiya ot 10 oktyabrya 2000 g. // URL: ksud.ru/news2_file/file30_93.doc.
12. O khode realizatsii zakona Respubliki Buryatiya «O religioznoi deyatel'nosti na territorii Respubliki Buryatiya»: postanovlenie Soveta Narodnogo Khurala Respubliki Buryatiya 24 aprelya 2012 g. № 1507-IV // *Buryatiya.* 2012. 3 maya.
13. Ob utverzhdenii Polozheniya o sisteme monitoringa i operativnogo reagirovaniya na proyavleniya religioznogo i natsional'nogo ekstremizma na territorii Respubliki Buryatiya: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Buryatiya ot 21 iyunya 2013 g. № 323 // *Buryatiya.* 2013. 27 iyunya.
14. Ofitsial'nyi sait Ulan-Udenskoi i Buryatskoi eparkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Elektronnyi resurs]. URL: <http://uud-eparh.ru/index.php/news-162/39-newscat/630-2010-10-01-06-49-32>.
15. Iz rechi episkopa Ulan-Udenskogo i Buryatskogo Savvatiya pri podpisanii soglasheniya s ministrom sotsial'noi zashchity naseleniya Respubliki Buryatiya T. Bykovoii // Ofitsial'nyi sait Ulan-Udenskoi i Buryatskoi eparkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. URL: <http://uud-eparh.ru/index.php/monhr/2332-2012-10-24-06-29-58.html>.
16. V partnerstve s religioznymi organizatsiyami // *Buryaad ynen* ot 19 iyunya 2014 g. URL: http://burunen.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=4525.
17. O vnesenii izmenenii v Zakon Respubliki Buryatiya ot 23 dekabrya 1997 g. №610-I «O religioznoi deyatel'nosti na territorii Respubliki Buryatiya»: zakon Respubliki Buryatiya ot 9 iyulya 2012 g. № 2839-IV // *Buryatiya.* 2012. 12 iyulya.
18. Ob utverzhdenii poryadka predostavleniya subsidii iz respublikanskogo byudzheta na stroitel'stvo, remont i restavratsiyu zdaniy i sooruzhenii religioznogo naznacheniya sotsial'no orientirovannym nekommercheskim organizatsiyam, napravlennym na sodeistvie dukhovno-nravstvennomu razvitiyu lichnosti, osushchestvlyayushchim svoyu deyatel'nost' na territorii Respubliki Buryatiya: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Buryatiya ot 29 marta 2013 g. № 158 // *Buryatiya.* 2013. 4 aprelya.
19. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoi programmy Respubliki Buryatiya «Sovershenstvovanie gosudarstvennogo upravleniya (2013–2020 gody)»: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Buryatiya ot 10 aprelya 2013 g. № 180 // *Buryatiya.* 2013. 16 aprelya.